

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ
ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Ответственные редакторы
А. М. Грачева и А. д'Амелия

Санкт-Петербург – Салерно 2003

UNIVERSITÀ DEGLI STUDI DI SALERNO
DIPARTIMENTO DI STUDI LINGUISTICI E LETTERARI

ALEKSEJ REMIZOV
STUDI E MATERIALI INEDITI

a cura di
A. M. Gračeva e A. d'Amelia

Pietroburgo – Salerno 2003

COLLANA DI EUROPA ORIENTALIS

A CURA DI
MARIO CAPALDO E ANTONELLA D'AMELIA

Questo volume è stato pubblicato
con un contributo dell'Università di Salerno

Copyright © 2003 by Europa Orientalis - Puskinskij Dom
Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari – Università di Salerno
Finito di stampare presso Poligrafica Ruggiero, Avellino (marzo 2003)

БИБЛЕЙСКИЕ И ДРЕВНЕРУССКИЕ МОТИВЫ В ПОВЕСТИ А. РЕМИЗОВА “ПЯТАЯ ЯЗВА”

Е. Фадеева

Мир библейских легенд и мир древнерусской литературы органично соединились в творчестве одного из самых оригинальных писателей XX века – А. М. Ремизова. В библейских историях находит писатель отражение своих чувств и раздумий, переосмысливая при этом источник. Примером такого обращения к библейским текстам является повесть “Пятая язва”. Писатель строит основной конфликт как противопоставление Закона Благодати из древнерусского “Слова...” митрополита Илариона. По мнению И. А. Есаулова, эта оппозиция, “заявленная еще апостолом Павлом и последовательно проведенная древнерусским автором, настолько универсальна для русской ментальности, что проходит через всю тысячелетнюю историю русской словесности, а возможно и в значительной степени определяет духовное своеобразие русской истории в целом”.¹ Высказанная И. А. Есауловым мысль совершенно справедлива и по отношению к творчеству А. М. Ремизова. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы проследить, как реализуются идеи Закона и Благодати в повести А. М. Ремизова “Пятая язва”.

Повесть “Пятая язва” (1912) – одна из самых малоизученных в творческом наследии А. М. Ремизова. Конечно, об этом произведении писали современники автора, но в литературоведении нашего времени этой повести уделено мало внимания. Исключением является лишь статья А. М. Грачевой, в которой автор излагает историю создания повести, пишет о ее художественных и идейных особенностях, об отношении к ней критики и рассматривает эту повесть в контексте произведений русских

¹ Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск 1995, с. 28.

писателей о судьбе России начала XX века. Автор не ставит своей задачей установление всех литературных источников этого произведения, но указывает, что «именно древнерусская литература имеет первостепенное значение для формирования художественной структуры и идейной концепции повести».² А. М. Грачевой удалось установить, что основными источниками повести являются два апокрифа – «Слово Мефодия Патарского о царствии язык последних времен» и «Хождение Богородицы по мукам». Кроме того, как показала исследовательница, Ремизов использует в своем произведении и другие древнерусские тексты: «Слово о погибели Русской земли» (XIII в.), «Временник» Ивана Тимофеева, «Сказание» Авраамия Палицына, «Слово о пленении и о конечном разорении Московского государства» (XVII в.). А. М. Грачева пишет также о присутствии в повести мотивов «Откровения Иоанна Богослова», но подробно не раскрывает эту тему.

По нашему мнению, одним из прототипов главного героя следователя Боброва является библейский пророк Моисей. Бобров родился и вырос в г. Лыкове, после учебы в университете «год провел [...] за границей, в Париже [...] до всего добивался он, все хотел выведать, высмотреть, перенять» (с. 340).³ Вернулся в родной свой Лыков. На новую должность в Студенец ехал с самыми благими намерениями, «дело его в Студенце представлялось ему широкой общественной деятельностью на благо [...] всей России» (с. 340). Весь труд свой полагал он во имя закона.

В тексте слово «закон» выделено курсивом, оно создает лейтмотив и имеет огромное значение в повести: «в законе видел он единственную крепкую узду, чтобы сдерживать людскую грубость, и в законе, только в законе видел он спасение России» (с. 341). Именно этот лейтмотив и позволяет соотнести образ Боброва с библейским пророком Моисеем. Моисей вывел израильтян из египетского плена, он является законодателем еврейского народа. Моисей – пример человека, беззаветно преданного своему народу. Одновременно это и трагическая фигура: он был одинок в своем стремлении спасти египетских пленников. В образе Моисея сосредоточена великая и вечная идея – идея пророка, которого не понимают и не слушают люди. Он хочет освободить свой народ, но евреи привыкли за годы плена к рабской жизни и не желают перемен. Рабам всегда легче оставаться рабами: «А подъяремные рабы рабами и остались. Откуда же

² Грачева А. М. Судьба России в литературе 1910-х гг. (Повесть А. М. Ремизова «Пятая язва») // Литература и история. СПб. 1991, с. 234.

³ Ремизов А. М. Избранное. Л. 1991. Текст повести «Пятая язва» цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте.

рабу измениться?” – писал А. М. Ремизов в трудные дни 1917 года, размышляя о судьбе Родины.⁴ Десять казней посылает Господь на Египет. Осуществляет их Моисей с помощью волшебного жезла – “прости руку твою с жезлом твоим” (Исх. 8; 5) велит ему Бог. Пятая казнь, посланная Господом на Египет, была моровой язвой.

А. М. Грачева убедительно доказывает, что название повести писатель взял из апокрифа “Слово Мефодия Патарского о царствии язык последних времен”. У Ремизова рассказчик сообщает: “Четыре страшные язвы: пагуба, губительство, тля, запустение, а пятая язва Студенецкая – бич и истребитель рода человеческого – следовательно Бобров” (с. 332). В списке “Слова Мефодия Патарского” XIV в.: “прѣди пойдут же прѣд ними на земля язвы д : пагуба, губительство, тле и запустение”. Пятой же “язвой”, приходящей на землю непосредственно перед приходом Антихриста, автор “Слова Мефодия Патарского” считает разъединенность людей друг от друга. Именно в такой презрительной оппозиции к жителям Студенца находится следовательно Бобров.⁵

Вместе с тем, название повести можно объяснить и как библейский символ. Не случайно Андрей Белый перепутал название повести в письме Ремизову: “можно сказать, что ‘Пятая Казнь’ есть то, чем будет гордиться период 1910-13 гг. За этот период времени ничто меня не потрясло так, как ‘Пятая Казнь’...”⁶

Господь послал пятую казнь на скот египтян: “То вот, рука Господня будет на скоте твоём, который в поле, на конях, на ослах, на верблюдах, на волах и овцах; будет моровая язва весьма тяжкая” (Исх. 9; 3). А. М. Ремизов рассказывает о жителях Студенца, уподобляя их животным. Так, Александр Ильич, студенецкий исправник, стал обладателем ослиных ушей. Причем исправника мало беспокоит то, как воспримут его в таком облике окружающие – “предстань он, ну в соборе на молебствии, и не в каком-нибудь, а в песьем образе, да тот же протопоп Виноградов ему первому даст к кресту приложиться” (с. 355).

Жители Студенца носят такие прозвища: Райская птица, Пеликан, товарищ прокурора – известная собака, Прасковья Ивановна является “животным прекрасным и добрым”, агроном – Свинья, телеграфист Вася Кабанчик, при этом жители города сопоставляются с животными в своем поведении: “Чуток на окрик Петруша, как конь” (с. 357). Александр

⁴ Алексей Ремизов. Дневник 1917-1920 // Минувшее: исторический альманах. М.- СПб. 1994. № 16, с. 455.

⁵ См. Грачева А. М. Судьба России в литературе 1910-х гг., с. 235.

⁶ Там же, с. 248.

Ильич обращается к Петруше лисьим голосом к петушку. Городской глава “кричал птицей, свистел” (с. 364), голос доктора звучал пороссячьей фистулой. Земский начальник застрелил жену как зайца. Писатель последовательно уподобляет жителей Студенца животным, что дает основание рассматривать название повести как библейский символ пятой казни, посланной Господом на скот.

После того, как израильский народ вышел из плена, Моисей 40 лет водил его по пустыне, чтобы сменились поколения и рабство было забыто. В повести “Пятая язва” мотив пустыни связан с образом Боброва. В детстве, видя страдающую мать, “Боброву хотелось тогда унести мать туда, на край света, туда, в ту пустыню, где людей совсем нет, и он чувствовал в себе огромную силу сделать так, по-своему” (с. 339). В момент душевного перелома после беседы со старцем Шапаевым, в час, когда перевернулось все, чем жил следователь, “привычно Бобров поднял кулак, свою палку – закон – смертоносное знамя, крест воздвизальи, стяг свой – крест и проклятие: с ним и пойдет один, отколовшись от всего народа, один, на край света по пустыне, где людей нет, – откатный камень” (с. 379).

В трудном пути по пустыне народ израильский все время роптал: “И сказали Моисею: разве нет гробов в Египте, что ты привел нас умирать в пустыне? Что это ты сделал с нами, выведши нас из Египта? Не это ли самое говорили мы тебе в Египте, сказав: ‘оставь нас, пусть мы работаем Египтянам’? Ибо лучше быть нам в рабстве у Египтянам, нежели умереть в пустыне” (Исх. 14; 11, 12), “о если бы умерли от руки Господней в земле Египетской, когда мы ели хлеб досыта! ибо вывели вы нас в эту пустыню, чтобы все собрание это уморить голодом” (Исх. 16; 3). Народ постоянно роптал, и тогда Моисей спрашивал Господа: “что мне делать с народом сим? еще немного, и побьют меня камнями” (Исх. 17; 4). Закон, согласно ветхозаветному рассказу, был необходим для того, чтобы в землю обетованную пришел парод, а не толпа кочевников: “храните и исполняйте их (законы); ибо в этом мудрость ваша и разум ваш пред глазами народов, которые, услышав о всех сих постановлениях, скажут: только этот великий народ есть народ мудрый и разумный” (Втор. 4; 6).

В ветхозаветном тексте закон предстает как способ спасения народа, как способ достичь процветания. Такая трактовка очень близка бобровскому пониманию закона. Задается вопросом Бобров: “Что же спасет русскую землю, вырванную, выжженную, выбитую, вытравленную и опустошенную? Кто уничтожит крамолу? Кто разорит неправду? Что уголит вражду? *Законность*, искони неведомая России, вот столп, которым укрепится земля” (с. 349).

Как в гневе библейский Моисей называл свой народ жестоколюбивым, так и Бобров обличает свой народ: “нестойкий, друг с другом неладный, бредущий розно, разбродный и смолчливый, безгласный – вот русский народ” (с. 349). Законность, по мнению Боброва, единственный способ спасти гибнущую Россию.

Русский народ Бобров оценивает как “растерянный, расшатанный, ослабленный, оплеванный и оплевывающийся, спившийся... *бродник* народ” (с. 380). Такая оценка совпадает с библейским описанием израильтян, находившихся во многовековом пленении.

Бобров, сидя перед зеркалом, обращает “свою буйную речь... к русскому народу... и вот будто в руке его и вяжущая и решающая сила” (с. 380). Такой же силой в руке обладает пророк Моисей, это и волшебный жезл, это и каменные скрижали со словами Закона.

В культурной традиции Моисей часто изображается с рогами. Рога символизируют сверхъестественную силу, которой обладают пророки.⁷ Одно из прозвищ главного героя повести “Пятая язва” – Рогач представляет собой намек на супружескую неверность его жены. Но при сопоставлении образа Боброва с библейским персонажем это прозвище неожиданно приобретает в подтексте другое, высокое значение.

Главный конфликт повести – столкновение следователя Боброва, служащего Закону, и старца Шапаева, воплощающего христианскую идею “вольного страдания”. В повести мы находим мотивы древнерусского “Слова о Законе и Благодати” и этот спор двух героев вполне можно рассматривать как противопоставление Закона и Благодати друг другу.

Встреча Боброва с Шапаевым происходит несколько необычно. Вызванный следователем, Шапаев обвиняется в блудодеянии. Таким способом старец изгоняет бесов из людей. Вот, например, что говорит он Василисе, обратившейся к нему за помощью: “Смириться надо. Грех красотой творишь, а растопчи эту красоту, унизь ее, красоту свою, растопчи ее! Гордыня в красоте твоей! ...ты под ноги брось ее, красоту свою, растопчи ее!” (с. 372). На допросе Шапаев вел себя ничуть не робея, и даже казалось, что это Шапаев допрашивает Боброва, а не наоборот. По мнению старца, нет преступления, а есть несчастье. Несчастье от греха: “в мире грех ходит, муты среди людей делает. – Где человек, там и грех!” (с. 375).

Эта мысль была очень близка самому Ремизову. Как считал писатель, “в мире ходит грех”. Таково народное раздумье над жизнью. Грех –

⁷ Аверинцев С. С. Моисей // Мифы народов мира. М. 1992. Т. 2, с. 168.

сила и не знает никаких клятвенных преград, никаких зарок⁸. По мысли Шапаева, человек безгрешный не может быть близким к Богу, не совершивший греха не может быть прощен. “Грешник, униженный, многое постигает, грешный ближе к Богу, он-то и думает о Боге, молится, грешник первый предстанет перед Господом” (с. 375). Непокоримой вере Боброва в Закон Шапаев противопоставляет идею вольного страдания. “Весь от себя отступи и отвернись от себя, прими на себя чужую вину, возьми крест другого и неси этот крест за другого” (с. 375). У А. М. Ремизова есть рассказ “Чужая вина” (“Докука и балагурье”), в котором работник, взявший на себя чужую вину и несший ее, после смерти становится святым. Такое страдание за другого – основа христианской веры, повторение пути Христа. По мнению Шапаева, только вольное страдание, “это сладкое узициство за другого”, может спасти русский народ, просветить его сердце и очистить душу. На наш взгляд, этот спор двух идей показан Ремизовым именно как противопоставление Закона и Благодати. Спор заканчивается гибелью Боброва, однако не следует считать, что автор полностью отрицает его идею. Гневное обличение Боброва, плач его над разоренной русской землей – это плач самого Ремизова. Позиция старца Шапаева, его мысль “в мире ходит грех” – это и мысль самого писателя.

По мнению Б. П. Вышеславцева, “противопоставление закона и благодати, закона и любви, закона и царства Божия проходит через все Евангелия... как основной принцип христианства”.⁹ Если для Боброва строгое выполнение законов – спасение народа и государства, то для Шапаева спасение заключается в страданиях за другого. Но Закон – это лишь ступень для ветхого человечества на его пути к Благодати и истине. Жизнь во Христе является решающей ступенью на пути к вечной жизни. Именно такую жизнь проповедует Шапаев. При этом его образ напоминает персонажей из патериковых рассказов. В этих повествованиях житейская “мирская” мораль сталкивается иногда с непривычной, но истинно христианской моралью. Зачастую герой патерикового рассказа, представлявшийся мирянам грешником, оказывается носителем подлинных заветов христианства. Это человек, совершающий страшные грехи, но излагающий при этом морально неоспоримые истины. Таковы, например, в “Луге духовном” Иоанна Мосха персонажи “Поучения от разбой-

⁸ Из книги Н. Кодрянской “Алексей Ремизов” // А. М. Ремизов. Царевна Мымра. Тула 1992, с. 355.

⁹ Вышеславцев Б. П. Этика преображенного эроса. М. 1994, с. 17.

ника” (гл. 71), рассказа о блуднице, окрещенной ангелами (гл. 207) и др.¹⁰

Митрополит Иларион в своем “Слове...” намечает два возможных пути человека в мире: самоутверждение в земной жизни и духовное спасение, для которого необходимо освободиться от рабства “земных” забот. По мысли протопресвитера Ивана Афанасьева, “признание права есть отказ от благодати ...есть возвращение к закону”.¹¹ Безблагодатное (механическое) следование закону трактуется в традиции православного христианства как рабство и несвободное подчинение необходимости. Это заповеди, идущие не от Бога, но придуманные человеком. В таком понимании закон представляется как “формальные рамки абстрактной нормы; не могущие предусмотреть многообразия конкретных жизненных коллизий; как “мертвая буква”, убивающая жизнь и препятствующая духовному спасению как нечто противоположное Царству Божию”.¹²

Повесть “Пятая язва” – это размышление А. М. Ремизова об историческом и духовном пути России. Показывая столкновение двух различных мировоззрений, писатель обращается к библейским текстам и к идеям, восходящим к “Слову о Законе и Благодати”. Главный конфликт строится как оппозиция Закона Благодати. Трагизм такого противостояния заключается в том, что “каждая великая система ценностей имеет своих поклонников и они вступают в борьбу друг с другом”.¹³ А. М. Ремизов в своих произведениях не давал прямых ответов на “столбовые”, как он сам называл их, вопросы человечества. Однозначного разрешения конфликта не происходит, но путь старца Шапаева оказывается более близким автору, чем поклонение Боброва “мертвой букве” закона.

¹⁰ Луг духовный. Творение блаженного Иоанна Мосха. Сергиев Посад 1915.

¹¹ Цит. по: Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе, с. 117.

¹² Там же.

¹³ Там же, с. 27.